

РЕВОЛЮЦИИ КАК ОСОБАЯ СТАДИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА И АРАБСКАЯ ВЕСНА

Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий, но одной из ведущих движущих сил исторического процесса стали только с периода Новой истории. При этом начиная с Нового времени в основе революций в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые появились в результате ускоренной модернизации.

Статья фактически делится на три части. В первой части проводится анализ соотношения революции и модернизации, тех взаимосвязей, опасностей и ловушек, которые возникают вследствие ускоренного развития общества и могут вести к революциям. Показано, почему революции происходят в период после некоторого (порой длительного) повышения уровня жизни населения, почему они возможны именно в экономически успешных обществах, каким была, например, предреволюционная Россия, а также Египет, Тунис перед Арабской весной. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по данной модели. Делается вывод, что революции на том или ином этапе модернизации – скорее закономерность, чем случайность.

Вторая часть статьи посвящена анализу взглядов на революцию, выделяются этапы развития этих взглядов, называются поколения ученых, соответствующие каждому этапу, и особенности их подходов.

В третьей части дается анализ революций как неизбежного и опасного периода жизни многих обществ. Делается вывод, что в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса. Наконец, эти выводы прилагаются к событиям Арабской весны. Показано, что в результате революционных событий в арабских странах не удалось решить ни одной серьезной проблемы, которая стояла перед обществами

накануне революций. Соответственно, революции, по сути, отбросили арабские страны назад, не приведя их к возможности создать по-настоящему демократическое общество.

В год столетия Русской революции можно отметить, что хотя революции – весьма опасный и очень затратный способ реформирования общества, в современном мире они отнюдь не стали архаичским явлением.

Опираясь на работы целого ряда исследователей (см. ниже), которые объясняют революции не как случайность, а как вполне закономерный результат сложного развития, мы сформулировали положения, описывающие некоторые важные причины революции и факторы, способствующие их возникновению. Среди этих причин и факторов можно назвать:

1) тесную связь революции и модернизации, то есть революции можно рассматривать как результат быстрых и резких перемен в процессе развития;

2) быстрые демографические изменения, тесно связанные с модернизацией, создающие дополнительные условия для возникновения революции, в том числе нужно упомянуть повышенную долю молодежных возрастов в составе населения;

3) процесс урбанизации и, как следствие, рост численности и образованности городских слоев, создающие социальную базу для революции;

4) большую роль завышенных ожиданий и депривации социальных слоев в нарастании социального недовольства;

5) появление новой идеологии (идеологий), которая способна объединить недовольных;

6) ослабление элиты и ее сплоченности, ее неспособность противостоять кризисным ситуациям.

В настоящей статье мы, естественно, не сможем развернуть все эти положения. Поэтому отсылаем читателя к нашим работам, указанным в данной статье, где эти моменты рассмотрены более подробно.

* * *

Революции сопровождают политическую историю на протяжении многих тысячелетий. История некоторых регионов, например эллинистических государств и Древнего Рима, а равно и многих

государств Востока, может быть описана в революционном аспекте как борьба социальных и политических групп за распределение ресурсов и власти (см., например: Сорокин 1992 [1925]; 1994; Нефедов 2007). Но одной из ведущих движущих сил исторического процесса революции стали только с периода Новой истории (см.: Гринин 1997; 2007; Семенов и др. 2007; Травин, Маргания 2004; Голдстоун 2015).

Главное отличие политических кризисов и политических выступлений против власти, которые характеризуют Новое время, по сравнению с восстаниями в позднеаграрных сословных обществах заключается в следующем: имеется стремление превратить выступление в общенациональное, придать ему ярко выраженный идеологический характер и – особенно наглядное отличие – изменить существующий строй, создав новый общенациональный орган власти. При этом ядром, первичной силой такого движения выступают высшие городские слои, включая, конечно, контрэлиты и часть элиты, отстраненной от власти. Но все эти слои спланирует новая идеология.

С крупнейшими социальными и политическими революциями в Англии, Франции, других странах Европы, Северной Америки, а затем и остальных континентов обычно связывают ускорение модернизации и глубокие трансформации общества (см., например: Травин, Маргания 2004).

В основе революций начиная с Нового времени в большинстве случаев лежат серьезные диспропорции в развитии общества, которые создались в результате ускоренной модернизации. Эти диспропорции резко усиливаются быстрым ростом населения, особенно доли горожан и молодежи его в структуре, что часто вызывает социальное напряжение.

На связь революций и модернизации указывал целый ряд исследователей (см., например: Lipset 1959; Cutright 1963; Moore 1966; Dahl 1971; Brunk *et al.* 1987; Rueschemeyer *et al.* 1992; Burkhart, Lewis-Beck 1994; Londregan, Poole 1996; Epstein *et al.* 2006; Voix 2011; Хантингтон 2004; Хобсбаум 1999; Стародубровская, Мау 2004; Голдстоун 2015).

Наши собственные исследования на примере целого ряда моделей развития различных стран в разные эпохи (см.: Гринин 2010а;

2010б; 2011; 2012б; 2013а; 2013б; 2014а; 2014б; Гринин, Коротаев 2012; Коротаев 2012; Коротаев, Зинькина 2010; Коротаев, Божевольнов и др. 2011а; 2011б; Коротаев, Малков и др. 2012; Коротаев, Халтурина и др. 2011; Коротаев, Малков 2014; Grinin 2012; 2013; Korotayev *et al.* 2011; 2014; Korotayev 2014) показали, что сами процессы модернизации, независимо от уровня потребления и темпов демографического роста, достаточно тесно и органично связаны с опасностью социально-политических катаклизмов, которые сравнительно легко могут перерасти в революции и кровавые потрясения. Поэтому в качестве исключения следует рассматривать скорее случаи бескризисного развития в условиях модернизации и выхода из мальтузианской ловушки, чем случаи революций и политических потрясений.

В результате нередко получается, что революции происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех создает завышенные ожидания, которые становятся идеологической базой для социального взрыва. В таких странах, как Египет и Тунис, к 2010-м гг. ситуация развивалась именно по такой модели (см. подробнее: Гринин и др. 2016: Главы 2 и 7).

Парадоксы модернизации. Таким образом, пусть на первый взгляд это выглядит странным, революции нередко происходят именно в период после некоторого (и порой довольно длительного) повышения уровня жизни населения. Первым это показал еще Алексис де Токвиль, исследуя «старый», то есть дореволюционный (до 1789 г.), порядок во Франции (Токвиль 1997). Наш анализ Арабской весны показал, что это было характерно для большинства арабских обществ, охваченных революциями в 2010–2011 гг. (Гринин 2012а; Гринин и др. 2016).

Другим парадоксом модернизации является то, что, хотя отсталость и бедность являются причиной социального напряжения, неравенство может возрастать именно в процессе попыток ликвидации бедности и отсталости. Так, в России действия правительства Столыпина в стремлении решить проблему отсталости сельского хозяйства и бедности крестьян за счет разрушения общины и приобретения крестьянами права на индивидуальное хозяйство вызвали рост неравенства и напряженности в деревне, да и в целом

в обществе. А развитие народного образования привело к росту численности людей, среди которых было проще агитировать против правительства. Борьба за развитие высшего образования в Египте в итоге привела к созданию авангарда революционного движения в этой стране.

Это показывает, насколько сложно избежать модернизационной ловушки. Проблема еще и в том, что в некоторые периоды запоздалые реформы только ухудшают положение правительства. По сути, режим должен вести бонапартистскую политику балансирования между различными слоями и группами, оптимально используя уступки и репрессии, чтобы двигать страну вперед. Не все режимы способны на это. И режимы, слишком долго лавирующие, как в Египте или Йемене, оказались в итоге неустойчивыми. Кроме того, у власти, которая стремится модернизировать страну, максимально сохраняя в ней стабильность, должны быть ясное понимание ситуации и определенная цель. Такое видение имеется лишь у отдельных государственных деятелей в короткие периоды, в целом же эти качества у элит часто отсутствуют.

Таким образом, повторим, революции нередко происходят именно в экономически успешных или даже очень успешных обществах. Однако именно этот успех ведет к завышенным ожиданиям и более жесткой критике правительства, что становится идеологической базой для социального взрыва. Все это в полной мере относится к ряду арабских стран накануне революций (Гринин и др. 2016).

Известно, что революции далеко не всегда ведут к демократии, поскольку переход к ней требует определенного уровня развития общества, менталитета и готовности большинства населения. В противном случае революции могут даже задержать переход к демократии, что мы и видим сегодня на примере многих арабских государств. Чаще всего модернизирующиеся общества – это общества монархические или авторитарные (то есть недемократические либо те, в которых не сложились устойчивые демократические институты). Авторитарные общества – общества с жесткой конструкцией. Поэтому они и подвержены революционной ломке, тогда как демократические общества, в которых выход социального недовольства может канализироваться в законные формы, революций

не знают. Так, в 1848 г. в Европе и Англии был подъем социальной активности. Но в Англии дело обошлось мирными формами (чартизм), а в Европе произошли революции. На наш взгляд, наибольшую опасность для социальных потрясений представляют ситуации частичной (неинституционализированной) демократии, при которой начинается «перетягивание каната» между авторитарными и радикальными силами; а также ситуация, когда влиятельные радикальные силы, по природе своей и убеждениям недемократические, используют демократические свободы и выборы для захвата власти. Именно так случилось в России сто лет назад. Так происходило и в Египте. И такие ситуации продолжают иметь место в Арабском мире (см. наш анализ событий Арабской весны: Гринин и др. 2016).

* * *

Понятие революции для характеристики общественных явлений стало применяться сравнительно поздно. Сам термин «революция» (франц. *revolution*, от позднелат. *revolutio* – оборот, переворот) был заимствован из астрономии, где он и поныне означает «вращение», «обращение», «полный оборот небесного тела» (см.: Драбкин 1968: 928). Первоначально термин *revolution* употреблялся в астрологии и алхимии. По некоторым предположениям, в научный язык он вошел из названия книги Николая Коперника «Об обращениях небесных сфер» (*De Revolutionibus Orbium Coelestium*. Регенсбург, 1543 г.)¹. В литературе термином «революция» стали называть глубокий государственный переворот только во второй половине XVII в. (Штомпка 1996: 369). Проблемам революции посвящено множество исследований начиная с периода английской революции XVII в.² В частности, такие философы, как Т. Гоббс и Дж. Локк, рассматривали ее как нарушение государственного порядка, хотя их оценки революции заметно различались (см.: Гринин 2012a). В XVIII в. о революциях немало писали французские

¹ См., например, статью «Революция» в *Википедии* (<http://ru.wikipedia.org/wiki/Революция>). Однако П. Штомпка утверждает, что этот термин появился уже в XIV в. (Штомпка 1996: 369).

² В частности, английские идеологи этого периода, такие как Дж. Гаррингтон или Дж. Уинстенли (правда, в утопических произведениях или памфлетах), высказывали идеи, вполне актуальные и сегодня, что в процессе революции происходит передел земельной и иной собственности (см., например: Уинстенли 1950: 54–55; Сапрыкин 1975; Адо 1977: 21–23).

и американские просветители и политические деятели, а также английские мыслители (см., например: Мабли 1950: 57–58; Джефферсон 1990; Юм 1965: 713). Но только в ходе и особенно после Великой французской революции понятие «революция» наполнилось более широким содержанием, включающим движение масс, государственный переворот и идейный сдвиг. Появились понятия «контрреволюция», «революционный», «эволюция»; концепция революции начинает использоваться в описании эпохальных прорывов, фундаментального преобразования общества (см.: Штомпка 1996: 369; Драбкин 1968: 928). В XIX в. проблемы революций изучались очень активно, да и революций в этот и предшествующий период случилось немало. В первые десятилетия XIX в. сначала А. Сен-Симон, а позднее французские историки О. Тьерри, Ф. Гизо, Ф. Минье и некоторые другие сделали первые шаги к тому, чтобы объяснить революции как борьбу классов (см., например: Сен-Симон 1948, т. II: 49–50; Далин 1981: 7–41; Гринин 2010б; 2012б). В дальнейшем по мере усиления революционных настроений эта тема стала предметом исследования прежде всего представителей левого и радикального лагеря, включая социалистов и марксистов (см., например: Володин 1982)³. Революции в зависимости от идеологической позиции романтизируются или демонизируются, а образы революционеров приобретают, выражаясь словами П. Штомпки (1996: 369), прометеевские черты (или, напротив, черты чистых злодеев).

К. Маркс и Ф. Энгельс внесли существенный вклад в теорию революции, хотя, конечно, использовали эту концепцию как чисто идеологическую, направленную на свержение капитализма. Маркс уже в ранних работах пришел к достаточно глубокому пониманию внутренней взаимосвязи политической и социальной революции: «Каждая революция разрушает старое общество, и постольку она социальна. Каждая революция низвергает старую власть, и постольку она имеет политический характер» (Маркс 1955: 448). Маркс и Энгельс сделали затем вывод, что революция является движущей силой истории. Особенно активно разрабатывалась идея

³ Хотя, конечно, было немало вполне объективно мыслящих ученых, так или иначе затрагивающих эту тему. В этой связи стоит еще раз упомянуть книгу А. Токвиля *Старый порядок и революция* (1997).

(идушая, как уже упоминалось выше, от французских историков времен Реставрации), что революции – это борьба классов (см., например: Маркс 1957а; 1957б; 1960; Энгельс 1957; 1961).

С другой стороны, К. Марксом было сформулировано понимание социальной революции как перехода от одного способа производства к другому, как прежде всего «изменение экономической основы» общества: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, <...> с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С изменением экономической основы более или менее быстро происходит переворот во всей громадной надстройке. При рассмотрении таких переворотов необходимо всегда отличать материальный, с естественно-научной точностью констатируемый переворот в экономических условиях производства от юридических, политических, религиозных, художественных или философских, короче – от идеологических форм, в которых люди осознают этот конфликт и борются за его разрешение» (Маркс 1959: 7). Именно такое понимание социальной революции стало доминирующим в советском историческом материализме (см., например: Дробкин 1968; Ковалев 1969; Селезнев 1971; 1982; Сухарев, Федосеев 1984: 202–218).

Социология революции как направление стала складываться в конце XIX – начале XX в. (см. об этом, например: Goldstone 1980; 2001; Гавлин, Казакова 1980; Голдстоун 2015; Гринин и др. 2010)⁴. На наш взгляд, оправданно считать это время первым этапом социологического исследования революций (среди его представителей можно выделить, в частности, Б. Адамса, Г. Ле Бона, Ч. Эллууда (см., например: Ellwood 1905; LeBon 1913). Однако определения революции в работах этого периода еще во многом, говоря словами П. Сорокина, базировались на ложных принципах и делились, по

⁴ В настоящее время выделяют три или даже четыре поколения социологов, исследующих революцию (см., например: Goldstone 1980; 2001; Fogan 1993; Голдстоун 2015). Однако естественно, что по поводу данной периодизации имеется много споров, вариаций, существуют большие расхождения по датировкам периодов и т. п., углубляться в рассмотрение которых в данном контексте не имеет смысла (см. также в статьях настоящего мониторинга).

его терминологии, в основном на «слащавые» и «горькие» определения. Как подчеркивает сам Сорокин, под этим следует понимать те дефиниции, которые соотносятся скорее с воображаемым, чем с реальным образом революции (Сорокин 1992 [1925]: 267). В то же время все громче звучали призывы к разумному и своевременному реформированию⁵. Тем не менее нельзя не отметить, что среди работ представителей революционных партий было довольно много интересных исследований, которые внесли заметный вклад в понимание революции. В частности, можно отметить работы В. И. Ленина (см., например: Ленин 1969а [1917]; 1969б [1917]; К. Каутского (1959 [1909]), Р. Люксембург (1991), Л. Д. Троцкого (2005) и др. Таким образом, среди социологов второго поколения можно выделить несколько групп.

Следующий этап был связан с Октябрьской революцией. И он в период 20–50-х гг. XX в. привел уже к институционализации социологии революции; возникновение данного направления связано с именем П. А. Сорокина и названием его книги *Социология революции* (Sorokin 1925; Сорокин 1992 [1925]). Среди представителей второй волны можно назвать Д. Йодера, Л. Эдвардса, Дж. С. Питти, К. Бринтона, Э. Ледерера, С. Неймана, Ф. Гросса и др. (см., например: Edwards 1927; Lederer 1936; Pettee 1938; Brinton 1965 [1938]). Стоит также указать и некоторых русских философов, в частности Н. Бердяева (1990: Письмо первое [1923]; см. также: Бердяев 1928). Стоит упомянуть и его «закон» революции: «Все революции кончаются реакциями. Это неотвратимо, это закон» (Он же 1990: 29). Анализ этого закона см. в: Гринин, Коротаев 2013; 2014.

1950-е гг. стали началом нового периода в исследовании революции (к социологам революции этого поколения относятся, в частности, Ч. Джонсон, Дж. Дэвис, Т. Р. Гурр, Р. Тантер, Н. Смелзер, М. Мидларский, Б. Мур, С. Хантингтон, Ч. Тилли и др. (см., например: Davies 1962; Smelser 1963; Huntington 1968; Johnson 1968; Gurr 1970)). Исследователи этого периода стремились преодолеть схематизм «классической» социологии революции путем системного исследования конкретных революционных процессов.

---

⁵ Нужна «мирная революция», направленная на усиление государства, которое одно способно взять на себя роль верховного судьи и реформатора, как считал, например, Б. Адамс (Adams 1913: 30).

Среди направлений этого поколения в разработке концепций революции некоторые исследователи выделяют три основных подхода: 1) основанный на когнитивной психологии и теории фрустрации (Davies 1962; Gurr 1968; 1970; Geschwender 1968; Feierabend *et al.* 1969; Morrison 1971; Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972; Schwartz 1972 и т. д.); 2) структурно-функционалистский (Smelser 1963; Tiryakian 1967; Johnson 1968; Hart 1971; Jessop 1972; Hagopian 1974 и т. д.); 3) политико-правовой (Amman 1962; Stinchcombe 1965; Huntington 1968; Tilly 1975; 1978 и т. д.; подробнее об этих подходах см.: Гавлин, Казакова 1980; Stone 1966; Kramnick 1972; Zagorin 1973; Goldstone 1980).

На наш взгляд, особо ценные результаты здесь были получены в рамках первого из вышеобозначенных подходов. Действительно, именно в его рамках были получены важные результаты в исследовании влияния на революционную дестабилизацию завышенных ожиданий населения (см. в особенности: Davies 1962). Эти результаты сохраняют свое значение вплоть до настоящего времени (см., например: Гринин 2012а; Коротаев 2014; Grinin, Korotayev 2014; см. также: Гринин и др. 2016: *Глава 7*). Большой интерес представляют и работы Фейерабендов, показавших, что такого рода завышенные ожидания с последующей фрустрацией вполне закономерно возникают в процессе модернизации вообще и в процессе урбанизации в особенности (Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972)⁶. Важны также и выводы Т. Р. Гурра, показавшего особо важную роль, которую играет в генерировании «революционной фрустрации» систематическое перекрывание социальных лифтов для определенных этнических, этносоциальных или социальных групп (Gurr 1968; 1970).

Достаточно важные результаты были получены и в рамках второго подхода. Эти исследователи анализировали общества как системы, чье нормальное функционирование зависит от поддержания равновесия во взаимообмене веществом, энергией и информацией между системой и окружающей ее средой, а также между подсистемами, из которых эта система состоит. Исследователи, исходившие из этого подхода, не без оснований утверждали, что любое критическое нарушение, разрушающее данное равновесие, приводит обще-

⁶ Повторим, что начало этих идей, а равно связи революции и модернизации и некоторых других идей можно проследить еще с А. де Токвиля (1997).

ство в состояние неравновесия (Nagorian 1974) или дисфункции (Johnson 1968), что ведет к появлению серьезного риска революционной дестабилизации. При этом в рамках данного подхода был предложен и целый ряд «кандидатов» на роль сил, приводящих социальные системы в состояния дисфункции/дестабилизации, таких как неравномерное влияние технологического роста и модернизационных процессов на потребности различных subsystem в ресурсах и на актуальное их обеспечение данными ресурсами, изменения в распределении власти между элитами различных subsystem (Jessor 1972), резкие изменения систем ценностей в результате появления новых религий или идеологий (Johnson 1968) или просто асинхронность изменения различных subsystem (Nagorian 1974).

В рамках третьего подхода революция рассматривается в качестве результата развития конфликта между различными социально-политическими группировками (*interest groups*), когда происходит радикальная эскалация обычного конфликта между ними (как в результате интенсификации самого конфликта, так и в результате резкого роста объема вовлекаемых в конфликт ресурсов) до такого уровня, когда обычные механизмы посредничества и поиска решения конфликта мирным путем перестают работать и политическая система претерпевает насильственный развал. Революция рассматривается как генезис «множественной суверенности», которая описывается как ситуация, обладающая следующими характеристиками: 1) конфликтующие социально-политические группировки настолько сильно противостоят друг другу по важнейшим вопросам, что их противоречия невозможно согласовать в рамках существующей политической системы; 2) две или более конфликтующие группы имеют достаточно политических, финансовых, организационных и силовых ресурсов для того, чтобы установить «суверенитет» над значимой политической или военной базой и пытаться достигнуть своих целей силовым путем. Такая ситуация может возникать под действием целого ряда факторов, к числу которых, например, Ч. Тилли относит войны, экономическую модернизацию, урбанизацию или изменения в системах ценностей и идеологические сдвиги (см., например: Tilly 1975; 1978).

Необходимо подчеркнуть, что очень важные результаты были достигнуты и в рамках данного подхода. До сих пор, например, со-

храняет свое значение предложенная С. П. Хантингтоном (Huntington 1968; Хантингтон 2004) типологизация паттернов революционной дестабилизации на модели «центрального коллапса» и «наступления с периферии» (см.: Гринин и др. 2016: *Главы 4, 6*; Korotayev *et al.* 2015).

По мнению Дж. Голдстоуна (Goldstone 1980; 2001; Голдстоун 2015), можно говорить о появлении во второй половине 1970-х гг. нового поколения теорий революции⁷, что он связывал с выходом в свет фундаментальных работ Ш. Н. Айзенштадта, Дж. М. Пэйджа, Т. Скочпол и К. Э. Тримбергера (Eisenstadt 1978*b*; Paige 1975; Skocpol 1979; Trimberger 1978), при этом данное поколение теорий революции отличалось от предыдущего по следующим основным пунктам.

1) *Роль государства.* Для третьего поколения теорий революции была характерна трактовка государства как арены конфликта социально-политических группировок или как орудия подавления одной группировки другой. Теории четвертого поколения стали подчеркивать автономную роль государства.

2) *Пересмотр вопроса о роли внешних факторов.* Третье поколение уделяло заметное влияние внешним факторам, но прежде всего речь в них шла о войнах как триггерах революционной дестабилизации. Четвертое поколение теорий революции стало уделять особое внимание долгосрочному влиянию внешних факторов (когда, например, военное соперничество может вынуждать государство к активному извлечению ресурсов из социальной системы).

3) *Роль армии.* В рамках четвертого поколения теорий революции особое внимание стало уделяться роли силовых структур и факторам, обуславливающим их переход на сторону восставших.

4) *Роль элит.* Определенное внимание роли элит уделялось и в рамках теорий третьего поколения, хотя в них речь шла прежде всего о негибкости поведения правящей элиты как факторе революци-

---

⁷ Сам Голдстоун называет это поколение теорий революции третьим. Однако он, поскольку в основополагающей статье 1980 г. (Goldstone 1980) рассматривал развитие социологии революции только в США, не учел самое первое поколение теорий революций – теории революции XIX в., имевшее и вполне серьезные достижения в работах, скажем, А. де Токвиля (1997) или К. Маркса (см., например: Маркс 1957*a*; 1957*b*). С учетом этого правильнее все-таки было бы назвать это поколение теорий революции не третьим, а четвертым.

онной дестабилизации. Однако в рамках теорий четвертого поколения было показано, что и процесс революционной дестабилизации, и его последствия очень сильно зависят от структуры и поведения элит. Например, Ш. Н. Айзенштадт показал, что если революционные элиты имеют тесные связи с иными элитами, то в результате революционной дестабилизации с большей вероятностью могут появиться относительно плюралистические открытые политические системы, в то время как изолированные элиты имеют тенденцию формировать закрытые режимы, основанные на принуждении (Eisenstadt 1978a).

По мнению того же Дж. Голдстоуна, в 1990-е гг. можно говорить о формировании еще одного поколения теорий революции, которое сам Голдстоун обозначает как «четвертое» (Goldstone 2001), но которое мы (в соответствии с высказанными выше соображениями) предпочитаем называть пятым.

Наиболее существенные достижения в исследовании революций, сделанные в эти годы и позволяющие с некоторыми основаниями говорить о появлении нового поколения теорий, можно сформулировать следующим образом:

1) выявление особой значимости внутриэлитного конфликта как фактора победы революций (*Idem* 1991; Goldstone *et al.* 1991; Bearman 1993; Haggard, Kaufman 1995; DeFronzo 1996; Hough 1997; Lachmann 1997; Dogan, Hingley 1998; Snyder 1998; Parsa 2000);

2) выявление особой неустойчивости промежуточных режимов, находящихся между консолидированной демократией и последовательным авторитаризмом (Esty *et al.* 1998; Goldstone *et al.* 2003; 2010);

3) выявление того обстоятельства, что революции скорее препятствуют, чем способствуют становлению демократии и экономическому росту (Eckstein 1982; 1986; Gurr 1988; Zimmermann 1990; Chiot 1991; Haggard, Kaufman 1995; Weede, Muller 1997; Goldstone 2001).

По мнению Дж. Голдстоуна, теории этого поколения сосредотачиваются скорее на причинах того, почему некоторые режимы более стабильны, чем другие (то есть концентрируются на изучении скорее факторов стабильности, чем нестабильности), «рассматривают широкий спектр и условий как факторов, провоцирующих

потерю стабильности, признавая, что процесс и последствия революции опосредствуются групповой идентификацией, сетями и коалициями; лидерством и конкурирующими идеологиями; взаимодействием между правителями, элитами, группами народа и иностранными державами» (Goldstone 2001: 172).

В настоящее время, возможно, имеет смысл говорить о начале появления нового, шестого поколения теорий революции, связанного с изучением опыта «цветных революций» и Арабской весны (см., например: Aslund, McFaul 2006; Nepstad 2011; Bunce, Wolchik 2011; Goldstone 2011a; 2011b; 2014a; 2014b; Mitchell 2012; Filali-Ansary 2012; Lynch 2012).

* * *

Несмотря на огромное количество работ, посвященных проблемам революции, общепринятого ее определения не существует, что, как нам представляется, неслучайно. По-видимому, имеется много десятков, если не сотен, различных формулировок революции. Возможно, поэтому П. Сорокин отказался давать собственное определение (1992 [1925]: 268), хотя отметил как разумное следующее определение И. Бауэра: «...революция есть смена конституционного общественного порядка, совершенная насильственным путем» (Там же). Достаточно развернутую дефиницию приводит Э. Гидденс (1999: 512): «Революция – процесс политических изменений, в котором задействованы массовые социальные движения, связанный с использованием насилия для успешного свержения существующего режима и с последующим формированием нового правительства. Революция отличается от заговора тем, что революция носит массовый характер и приводит к значительным переменам во всей политической системе. Заговор – это вооруженный захват власти для смены политического лидера, но без радикальных перемен в системе управления. Революции отличаются и от бунта, хотя бунт – тоже вызов, угроза существующему политическому режиму, но его цель в большей степени заключается в замене лидеров, а не в трансформации политической структуры как таковой»⁸.

---

⁸ Возможно, это определение удачно дополнило бы уточнение, что в отличие от *coup d'état* (государственного переворота) революция «предполагает изменение, оказывающее воздействие на жизнь самых обыкновенных граждан» (Brinton 1949: 11).

Для того чтобы лучше представить спектр различных мнений, имеет смысл привести большую цитату из монографии П. Штомпки (1996: 370–372), в которой он дает, как нам кажется, вполне релевантную классификацию таких дефиниций:

Современная концепция революции основывается на двух традициях: историософской и социологической. Согласно первой, революция означает радикальный разрыв непрерывности, фундаментальную трещину, «катаклизму-прорыв» (Brinton 1965 [1938]: 237) в ходе истории. Внимание сосредоточивается на всеобщей модели исторического процесса, и революции обозначают качественные рубежи в этой модели... Сторонники второй традиции, представленной социологической концепцией революции, обращаются к массовым выступлениям, использующим или грозящим применить принуждение и насилие по отношению к властям, для того чтобы усилить базис и провести последующие изменения в обществе. Центр внимания переносится с всеобщих моделей и конечных результатов на движущие силы, механизмы и альтернативные сценарии социальных процессов, средства, которые люди используют для того, чтобы творить и преобразовывать историю... Обе традиции – историософская и социологическая – отражаются в современных определениях революции. Их можно разделить на три группы. В первую входят определения, согласно которым революции – это фундаментальные широко распространенные преобразования общества (здесь явно подразумеваются «великие» революции). Внимание акцентируется прежде всего на масштабах и глубине преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «реформам». Так, она определяется как «неожиданные, радикальные изменения в политической, экономической и социальной структуре общества» (Bullock, Stallybras 1977: 542), как «сметающее все, неожиданное изменение в социальной структуре или в некоторых важных ее элементах» (Fairchild 1966: 259)... Вторая группа включает определения, в которых упор делается на насилие и борьбу, а также на скорость изменений. Центр внимания перемещается на технику преобразований. В этом смысле «революция» противопоставляется «эволюции». Вот несколько подобных определений: «Попытки осуществить изменения силой» (Johnson 1968: 1); «Фундаментальные социально-по-

литические изменения, осуществленные насильственным путем» (Gurr 1970: 4); «Решительная, внезапная замена одной группы, ответственной за территориально-политическое единство, другой, прежде не входившей в правительство» (Brinton 1965 [1938]: 4); «Захват (или попытка захвата) одним классом, группой или коалицией у другой рычагов контроля над правительственным аппаратом, понимаемым как важнейшие, концентрированные в его руках средства принуждения, налогообложения и административного управления в обществе» (Aya 1979: 44). Возможно, наиболее полезны определения третьей группы, сочетающие в себе оба аспекта: «Быстрые, фундаментальные насильственные внутренние изменения в доминирующих в обществе ценностях и мифах, в его политических институтах, социальной структуре, лидерстве, деятельности и политике правительства» (Huntington 1968: 264); «Быстрые, базовые преобразования социальной и классовой структур общества путем переворотов снизу» (Skocpol 1979: 4); «Захват насильственными методами государственной власти лидерами массовых движений и последующее использование ее для проведения крупномасштабных социальных реформ» (Giddens 1989: 605). Итак, подавляющее большинство исследователей сходятся в том, что, во-первых, революции относятся к фундаментальным, всеобъемлющим многомерным изменениям, затрагивающим саму основу социального порядка. Во-вторых, они вовлекают большие массы людей, мобилизуемых и действующих внутри революционного движения. Таковы, например, городские и крестьянские восстания (Jenkins 1982). Если же преобразования идут «сверху» (например, реформы Мэйдзи в Японии, Ататюрка в Турции и Насера в Египте, *перестройка* Горбачева), то какими бы глубокими и фундаментальными они ни были, их нельзя считать революциями... В-третьих, большинство авторов, похоже, полагают, что революции со всей непреложностью сопровождаются насильем и принуждением.

Можно было бы добавить и ряд других, более или менее удачных, на наш взгляд, дефиниций революции. Например: «Быстрое фундаментальное изменение в политической организации, социальной структуре, экономическом контроле над собственностью и господствующих мифах социального порядка, указывающее, та-

ким образом, на большой разрыв непрерывности развития» (Neumann 1949: 333–334). Достаточно удачным нам представляется и определение, предложенное Дж. Голдстоуном: «Революция представляет собой насильственное свержение режима через массовую мобилизацию... во имя социальной справедливости с целью создания новых политических институтов» (Goldstone 2014b: 4; см. также: Голдстоун 2015). Отметим, что все эти дефиниции (как и наша собственная ниже) вполне подходят к событиям Арабской весны.

Исходя из вышесказанного, не стремясь к строгой дефиниции, мы могли бы определить социальную революцию как *глубокий и резкий переворот в политических, социальных, имущественных и идеологических отношениях, который: а) совершается с помощью широкого и активного участия больших масс людей; б) затрагивает в настоящем и будущем жизнь широких масс; в) совершается насильственно (и обычно нелегитимно в понимании старого строя), а потому нередко становится более или менее жестоким, кровавым, связанным с массовым насилием процессом* (см.: Гринин и др. 2010: 11).

В целом на высоком уровне абстракции эти причины можно обобщить как усиливающееся несоответствие между социальным и политическим строем и господствующей идеологией, с одной стороны, и быстрыми социальными, экономическими и культурными изменениями в стране – с другой. Важные причины революций так или иначе связаны и с изменением идеологии, с нарастанием недовольства властью, с бессилием власти. И чем сильнее это общественное недовольство и слабее власть, тем реальнее возможность совершения революции. Как говорит П. А. Сорокин (1992 [1925]: 278), когда ореол власти испарился, в ее сохранении возникают законные сомнения⁹. С потерей доверия к власти часто также связано ощущение надвигающейся катастрофы, а когда общество начинает осознавать близость непредвиденной социальной катастрофы, по мнению Ч. Джонсона, возникает и усиливается идея (и добавим – желательность) революции (Johnson 1968: 12). Одновременно, как было замечено, правящая элита часто теряет чувство самосохранения.

⁹ В этой связи, возможно, нелишним будет процитировать Б. Окуджаву: «Вселенский опыт говорит, что погибают царства не оттого, что тяжек быт или страшны мытарства. А погибают оттого (и тем больней, чем дольше), что люди царства своего не уважают больше» (стихотворение, посвященное Б. Слуцкому).

* * *

По мере ускорения исторического развития множилось и число революций. Особенно богат ими оказался XX в., поэтому лет тридцать-сорок назад немало историков и обществоведов даже на Западе считали, что «XX век войдет в историю как век борьбы и революций, как время величайших революционных преобразований» (Уоддис 1975: 27; Красин 1975: 3; см. также, например: Раинко 1979).

Революция, как понятно, это особая форма смены политической власти или политического (социально-политического) режима. Большой знаток теории революции В. И. Ленин справедливо отмечал, что главный вопрос любой революции – вопрос о власти (Ленин 1969б [1917]: 145). Отметим, что любая смена власти, даже самая легитимная, неважно, в монархическом или демократическом устройстве, неизбежно ведет к более или менее заметным сбоям в функционировании административно-политической машины. Это связано как с тем, что любая власть в той или иной степени зависит от персонального состава властной элиты (и особенно верховного руководителя), так и с тем, что любая смена власти в какой-то мере ведет к переменам в идеологической интерпретации целей правления. Кроме того, в ожидании неизбежных перемен класс администраторов естественным образом оказывается дезорганизованным (например, во время выборной кампании или в ожидании смещений и новых назначений). При смене монарха или правящей партии часто сменяется почти вся руководящая верхушка, и на вхождение в дела новых руководителей уходит немало времени¹⁰. В результате работа государственной машины на довольно длительное время становится менее эффективной.

Смена же власти путем революции означает гораздо более резкий сбой в работе системы часто с непредсказуемыми последствиями. Вот почему в целом революции всегда были очень разрушительным и затратным способом социального прогресса.

Кроме того, отношение к ним менялось в зависимости от социальной позиции социальных исследователей и общего состояния общества. Так, в XX в. революции стали связывать с опасностью установления коммунистических режимов, поэтому большинство

---

¹⁰ В этой связи, например, любопытно отметить существенные изменения во внешней политике Саудовской Аравии в 2015 г. в результате смены монарха.

политологов оценивали их негативно, а общий тренд исследований был обусловлен необходимостью понять причины революции и найти способы ее предотвращения. Все это убедило западные страны в необходимости, говоря словами Л. Эдвардса, создать механизм, который должен отвечать задаче предотвращения революции (Edwards 1927; 1965: 213)¹¹.

Крушение социализма окончательно убедило в том, что революции перестали быть сколько-нибудь приемлемым средством социального прогресса в современный период. Однако, как ни парадоксально, именно с этого времени США и западные страны резко изменили свое отношение к революциям, поскольку теперь (как только угроза возникновения коммунистических режимов в результате совершения революции исчезла) их стали рассматривать как позитивное и выгодное для западных стран явление. Революции вновь, как и раньше, стали отождествлять с демократией, а демократию рассматривать как безусловно позитивную форму. Однако это вовсе не так (см. ниже).

Конец XX и начало XXI в. стали периодом нового типа революций, в которых повысилась доля внешнего вмешательства и инспирирования, использования «рукотворных», не стихийных революций для свержения неугодных режимов. Целая цепь таких революций, получивших название «цветных», прокатилась по ряду стран¹². Таким образом, революции вновь стали использовать как

¹¹ Это была одна из причин активного исследования проблемы революций. Например, в середине 1950-х гг. Гуверовский институт войны, революции и мира в Стэнфорде (Калифорния, США) начал серию исследований «с целью описания мировой революции нашего времени и ее воздействия на международную и национальную политику» (Fisher 1955: II). О широких программах исследования революций по заданию правительственных органов в США в 1960–1980-е гг. см., например: Taylor 1984: 7.

¹² Отметим, что вразумительное объяснение того, почему эти революции получили название «цветных» (*color revolutions*), отсутствует. Автор книги «Цветные революции» А. М. Митчелл, исследовавший «революцию роз» в Грузии 2003 г., «оранжевую революцию» на Украине 2004 г. и «тюльпановую революцию» в Киргизии 2005 г., пишет: «Цветные революции... не были ни цветными, ни революциями. Розы и тюльпаны – ведь это прежде всего цветы» (Mitchell 2012: 7; см. также: Чернов 2006; Эсенбаев 2009). Действительно, логичнее было бы называть эти революции «цветочными», а не «цветными», так как из классических «цветных революций» собственно цветное обозначение имеет лишь «оранжевая революция» на Украине 2004 г., названия же, связанные с именами цветов, явно преобладают – к уже названным выше «революции роз» и «тюльпановой революции» можно добавить еще и попытку «васильковой революции» в Белоруссии 2006 г., «шафрановой революции» в Мьянме 2007 г. или «жасминовую революцию» в Тунисе 2011 г. Хотя, конечно, разнообразие символов «цветных революций» выходит далеко за рамки только цветов (например, «бульдозерная революция» в Сербии 2000 г., «дынная революция» в Киргизии 2010 г. или попытка «революции зонтиков» в Гонконге 2014 г.).

важнейший инструмент геополитики, только теперь уже не коммунистические государства, а демократические. Для этого в избранных странах активно подготавливалась оппозиция, которая при возможности проходила обучение с помощью западных инструкторов; также в качестве координаторов и штабов всякого рода использовались НКО и дипмиссии. К сожалению, чаще всего позитивный эффект таких революций был минимальным, зато негативный – разрушительным. «В большинстве стран, где произошли “цветные революции”, не наблюдается быстрого и надежного перехода к демократии», – отмечает даже сторонник таких революций Дж. Голдстоун (2015: 161), показывая, что революции по-прежнему начинаются со свержения старого режима, но впереди у них очень трудный и затяжной процесс утверждения нового; что революции неизбежно порождают новые трудности, новую борьбу за власть и высокую вероятность скатывания к авторитаризму (Там же: 161, 183). Вновь и вновь подтверждается идея о том, что революции – слишком разрушительный способ прогресса для современной формы общественной жизни (см.: Гринин 1997; 2007). И мы не разделяем надежд Голдстоуна, что в «будущем возобладает революционный героизм, а не революционные кошмары» (Голдстоун 2015: 182).

Влияние зарубежных сил на революции на Ближнем Востоке прослеживается очень явно (см. подробнее: Гринин и др. 2016). Но важно понимать, что революции никогда не определяются только внешним воздействием, они всегда являются результатом внутреннего кризиса (причины и условия такого кризиса в отношении целого ряда ближневосточных стран см.: Там же).

В то же время, как показано выше, общепризнанного определения революции не существует. Это связано еще и с тем, что революционные или квазиреволюционные потрясения происходят в странах разного уровня развития. Если революции в таких государствах, как Египет и Тунис, определялись внутренним социальным напряжением, то в ряде других арабских стран потрясения были вызваны тем, что пришли в движение внутренние этноконфессиональные противоречия. Они никогда на самом деле не исчезали и получили импульс вследствие целого набора факторов, включавших в себя, помимо собственно социального недовольства, пример других стран, инспирирование протестов и активную помощь

извне. Это мы видим на примере Ливии, Йемена, Сирии, в которых фактор внешнего вмешательства, прямой или прикрытой интервенции развязал узел этноконфессиональной вражды. Последняя сдерживалась только достаточно жесткими и авторитарными режимами. И стоило только свергнуть этот режим, как в стране начинался хаос. Таким образом, для стран, в которых не сложилась крепкая государственность, имеющих низкий уровень культуры многих групп населения, идея революции является крайне опасной и ведет к дестабилизации. В указанных странах правящий режим пытался компенсировать слабость государственности квазимонархическими попытками (Сирия, Йемен, Ливия). Это имело место даже в Египте (в попытках передать власть от Хосни Мубарака его сыну Гамалю). Попутно отметим, что одной из главных возможностей совершения революции становится отсутствие у авторитарного режима четких механизмов передачи власти. Исходя из сущности авторитарного режима, передача власти должна идти по классическому или византийскому монархическому принципу (к сыну или родственнику либо к назначенному преемнику). Однако в современных условиях такие попытки очевидно противоречат декларированным принципам народовластия и демократии. Таким образом, демократические идеи приходят в столкновение с потребностями в стабильности, в результате порядок передачи власти в авторитарных режимах становится их уязвимой точкой.

Так или иначе, все страны, в которых последствия Арабской весны оказались наиболее тяжелыми, относятся к числу немонархических стран со слабо сложившимися традициями государственности. Это усугубляется тем фактом, что современные границы еще не успели закрепиться в качестве таких, которые отделяют одну нацию от другой.

* * *

В завершение следует подчеркнуть, что за пять лет ни одна революция Арабской весны не решила ни одной серьезной проблемы (и, видимо, не могла решить). Приходится констатировать: все, что требовалось делать для модернизации, либо уже делалось, либо могло делаться в рамках авторитарных режимов. Все это ставит вопрос о том, насколько демократические принципы управления могут считаться универсальными.

Революции, безусловно, могут всколыхнуть общество, активизировать новые силы, поднять на повестку дня актуальные вопросы, дать большой политический опыт. Они могут что-то изменить в позитивном плане. Но не так уж много шансов на то, что революции реально решат наиболее важные проблемы. И, к сожалению, пока модель развития идет не по желательной схеме от революции к демократии, а от революции либо к контрреволюции (как в Египте), что выглядит предпочтительнее, либо к новым революциям или просто хаосу и гражданской войне всех со всеми, что мы видим сегодня в Ливии, Йемене, Сирии, а то и к возникновению террористических образований вроде «Исламского государства».

* * *

Несмотря на активное экспортирование демократии, в том числе и путем революций, во многих странах демократия не приживается. И это не случайно. События Арабской весны вновь жестко подтвердили, что для упрочения демократии необходимы не только демократические конституции и желание некоторой части революционеров. Для этого нужно очень много условий, включая и историко-культурные предпосылки, существование гражданского общества, относительно высокий уровень жизни и т. д. и т. п. Несмотря на то, что мейнстримом западной науки является примитивное утверждение, что демократия – наилучшее устройство для всех обществ на любом этапе их развития и уровня культуры, а равно и архетипов, в западной социологии есть очень серьезные исследования, которые опровергают этот тезис, показывая, что демократия требует целого ряда непростых условий (см., например: Арон 1993; Хантингтон 2004; Инглхарт, Вельцель 2011). Мы также неоднократно писали о том, что революции ради утверждения демократии в обществах, неготовых к ней, нередко только отдалают ее введение (например: Гринин, Коротаев 2013; 2014; Grinin, Korotaev 2016). Все это, к сожалению, подтвердилось событиями Арабской весны. Теперь самое главное, чтобы регион успокоился и перешел к состоянию экономического и культурного роста, который обеспечит в итоге прогресс этих обществ и, возможно, но обязательно, в будущем и переход к более демократическим системам, чем сегодня.

«Революция в значительной степени есть расплата за грехи (и, добавим, ошибки. – *Авт.*) прошлого, есть знак того, что не было творческих духовных сил для реформирования общества», – писал Н. Бердяев (1995: гл. X). Это верно. Когда происходят революции, большая доля вины элит и правительств в этом есть по определению. Но революции и следующая за ними реакция (а то и разруха) – это также расплата за идеализм, непомерные требования, непонимание законов общественного развития и стремление перепрыгнуть необходимые эпохи, которые требуются для развития общества.

Библиография

- Адо А. В. 1977. Зарождение и становление социологической и исторической мысли Нового времени (XVI–XVIII вв.). *Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки* / Ред. И. С. Галкин. М.: МГК. С. 12–39.
- Арон Р. 1993. *Демократия и тоталитаризм*. М.: Текст.
- Бердяев Н. А. 1928. Русская религиозная мысль и революция. *Версты* 3: 40–62.
- Бердяев Н. А. 1990. *Философия неравенства*. М.: ИМА-ПРЕСС.
- Бердяев Н. А. 1995. *Царство духа и царство кесаря*. М.: Республика.
- Володин А. И. (Ред.) 1982. *Утопический социализм*: Хрестоматия. М.: Политиздат.
- Гавлин М. Л., Казакова Л. А. 1980. *Современные буржуазные теории социальной революции*. М.
- Гидденс Э. 1999. *Социология*. М.: Эдиториал УРСС.
- Голдстоун Дж. 2015. *Революции. Очень краткое введение*. М.: Изд-во Инта Гайдара.
- Гринин Л. Е. 1997. Формации и цивилизации. Гл. 2. Проблемы анализа движущих сил исторического развития и общественного прогресса. *Философия и общество* 2: 5–89.
- Гринин Л. Е. 2007. *Государство и исторический процесс: Политический срез исторического процесса*. М.: КомКнига/URSS.
- Гринин Л. Е. 2010а. Мальтузианско-марксова «ловушка» и русские революции. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 198–224.

- Гринин Л. Е. 2010б.** Модернизационные ловушки как часть процесса трансформации сверхсложных аграрных обществ в индустриальные. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 85–96.
- Гринин Л. Е. 2010в.** Теория, методология и философия истории: очерки развития исторической мысли от древности до середины XIX века. Лекция 8. Век Просвещения (XVIII в.). Лекция 9. Первая половина XIX в. *Философия и общество* 4: 145–197.
- Гринин Л. Е. 2011.** Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 337–356.
- Гринин Л. Е. 2012а.** Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* / Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 188–223.
- Гринин Л. Е. 2012б.** Опасность социально-политического кризиса в процессе модернизации. *Вестник КИГИТ* 6: 39–63.
- Гринин Л. Е. 2012в.** *От Конфуция до Конта: становление теории, методологии и философии истории.* М.: ЛКИ.
- Гринин Л. Е. 2013а.** Государство и его кризис в прошлом и настоящем. *Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий* 3(7): 26–30.
- Гринин Л. Е. 2013б.** Государство и кризисы в процессе модернизации. *Философия и общество* 3: 29–59.
- Гринин Л. Е. 2014а.** Модернизационные (постмальтузианские) ловушки. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев. Волгоград: Учитель. С. 98–127.
- Гринин Л. Е. 2014б.** Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Куда движется век глобализации?* / Ред. А. Н. Чумаков, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель. С. 95–119.
- Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Коротаев А. В. 2016.** *Революции и нестабильность на Ближнем Востоке.* 2-е изд. М.: Моск. ред. изд-ва «Учитель».

- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2012.** *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек.* М.: ЛКИ/URSS.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2013.** Демократия и революция. *История и современность* 2(18): 15–35.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В. 2014.** Революция vs демократия. *Полис* 3: 139–158.
- Гринин Л. Е., Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2010.** Русские революции в столетней ретроспективе. Введение. *О причинах Русской революции* / Ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М.: ЛКИ/URSS. С. 5–24.
- Далин В. М. 1981.** *Историки Франции XIX–XX веков.* М.: Наука.
- Джефферсон Т. 1990.** *Автобиография. Заметки о штате Виргиния.* Л.: Наука.
- Драбкин Я. С. 1968.** Революция. *Советская историческая энциклопедия.* Т. 11. *Пергам – Ренувен* / Ред. Е. М. Жуков. М.: Советская энциклопедия. С. 926–933.
- Инглхарт Р., Вельцель К. 2011.** *Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития.* М.: Новое издательство.
- Каутский К. 1959 [1909].** *Путь к власти. (Политические очерки о вращении в революцию).* М.: Госполитиздат.
- Ковалев А. М. 1969.** *Социальная революция.* М.: Высшая школа.
- Коротаев А. В. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. К математическому моделированию социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии. *Социология и общество: глобальные вызовы и региональное развитие* / Ред. Ж. Т. Тощенко. М.: РСО. С. 1483–1489.
- Коротаев А. В. 2014.** О возможных экономико-психологических факторах украинской революции 2014 года. *Историческая психология и социология истории* 7(1): 56–74.
- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Кобзева С. В. 2011а.** К прогнозированию рисков политической нестабильности в странах Африки на период до 2050 г. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 357–379.

- Коротаев А. В., Божевольнов Ю. В., Гринин Л. Е., Зинькина Ю. В., Малков С. Ю. 2011б.** Ловушка на выходе из ловушки. Логические и математические модели. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 138–164.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2010.** Прогнозирование социополитических рисков: ловушка на выходе из мальтузианской ловушки. *Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер»* 36: 101–103.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю. 2014.** Ловушка на выходе из мальтузианской ловушки в современных модернизирующихся обществах. *История и Математика: аспекты демографических и социально-экономических процессов* / Отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, Волгоград: Учитель. С. 43–97.
- Коротаев А. В., Малков С. Ю., Бурова А. Н., Зинькина Ю. В., Ходунов А. С. 2012.** Ловушка на выходе из ловушки. Математическое моделирование социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии и события Арабской весны 2011 г. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 210–276.
- Коротаев А. В., Халтурина Д. А., Кобзева С. В., Зинькина Ю. В. 2011.** Ловушка на выходе из ловушки? О некоторых особенностях политико-демографической динамики модернизирующихся систем. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* / Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: Красанд/URSS. С. 45–88.
- Красин Ю. А. 1975.** *Революцией уstraшенные*. М.: Политиздат.
- Ленин В. И. 1969а [1917].** Государство и революция. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 33. М.: Политиздат.
- Ленин В. И. 1969б [1917].** О двоевластии. В: Ленин В. И., *Полн. собр. соч.* 5-е изд. Т. 31. Март – апрель 1917. М.: Политиздат. С. 145–148.
- Люксембург Р. 1991.** *О социализме и русской революции. Избранные статьи, речи, письма*. М.: Изд-во полит. лит-ры.
- Мабли Г. 1950.** *Избранные произведения*. М.; Л.
- Маркс К. 1955.** Критические заметки к статье «Пруссака» «Король прусский и социальная реформа». В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.

- Маркс К. 1957а.** Буржуазия и революция. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*, 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1957б.** Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*, 2-е изд. Т. 6. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1959.** К критике политической экономии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*, 2-е изд. Т. 13. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Маркс К. 1960.** Гражданская война во Франции. Воззвание генерального Совета Международного Товарищества рабочих. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.*, 2-е изд. Т. 17. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Нефедов С. А. 2007.** *Концепция демографических циклов.* Екатеринбург: Изд-во УГГУ.
- Раинко С. 1979.** *Марксизм и его критики.* М.: Прогресс.
- Сапрыкин Ю. М. 1975.** *Политическое учение Гаррингтона.* М.: Изд-во МГУ.
- Селезнев М. А. 1971.** *Социальная революция.* М.: Изд-во МГУ.
- Селезнев М. А. 1982.** *Марксистско-ленинская теория социальной революции.* М.: Мысль.
- Семенов Ю. И., Гобозов И. А., Гринин Л. Е. 2007.** *Философия истории: проблемы и перспективы.* М.: URSS.
- Сен-Симон А. 1948.** *Избранные сочинения.* Т. I–II. М.; Л.
- Сорокин П. А. 1992 [1925].** Социология революции. В: Сорокин П. А., *Человек. Цивилизация. Общество.* М.: Политиздат. С. 266–294.
- Сорокин П. А. 1994.** Голод и идеология общества. В: Сорокин П. А., *Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет.* М.: Наука. С. 367–395.
- Стародубровская И., Мау В. 2004.** *Великие революции. От Кромвеля до Путина.* М.: Вагриус.
- Сухарев Ю. Н., Федосеев А. А. 1984.** Материалистическая диалектика: в 5 т. Т. 4. *Диалектика общественного развития.* Гл. 12 / Ред. Ф. В. Константинов, В. Г. Марахов. М.: Мысль.
- Токвиль А. де. 1997.** *Старый порядок и революция.* М.: Московский философский фонд.
- Травин Д., Маргания О. 2004.** *Европейская модернизация.* М.: АСТ.
- Троцкий Л. Д. 2005.** *Перманентная революция:* сб. М.: АСТ.
- Уинстенли Д. 1950.** *Избранные памфлеты.* М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР.

- Уоддис Д. 1975. «Новые» теории революции. М.: Прогресс.
- Хантингтон С. 2004. *Политический порядок в меняющихся обществах*. М.: Прогресс-Традиция.
- Хобсбаум Э. 1999. *Век революции*. Европа 1778–1848. Ростов н/Д.: Феникс.
- Чернов В. 2006. Революция и порядок. *Наше мнение* 3.
- Штомпка П. 1996. *Социология социальных изменений*. М.: Аспект-Пресс.
- Энгельс Ф. 1957. Революция и контрреволюция в Германии. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Энгельс Ф. 1961. Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом. В: Маркс К., Энгельс Ф., *Соч.* 2-е изд. Т. 8. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры.
- Эсенбаев А. Э. 2009. «Революция тюльпанов» в Кыргызстане и особенности трансформации политической системы: попытка осмысления. *Власть* 3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/revolyutsiya-tyulpanov-v-kyrgyzstane-i-osobennosti-transformatsii-politicheskoy-sistemy-popytka-osmysleniya>.
- Юм Д. 1965. *Соч.* Т. 1. М.: Мысль.
- Adams B. 1913. *The Theory of Social Revolutions*. New York, NY: Macmillan.
- Amman P. 1962. Revolution: A Redefinition. *Political Science Quarterly* 77: 36–53.
- Aslund A., McFaul M. (Eds.) 2006. *Revolution in Orange*. Washington, DC: Carnegie Endowment for International Peace.
- Aya R. 1979. Theories of Revolution Reconsidered. *Theory and Society* 8(1): 39–99.
- Bearman P. S. 1993. *Relations into Rhetorics: Local Elite Social Structure in Norfolk, England 1540–1640*. New Brunswick, NJ: Rutgers University Press.
- Boix C. 2011. Democracy, Development, and the International System. *American Political Science Review*. Vol. 105. No. 4: 809–828.
- Brinton C. 1949. *English Political Thought in the Nineteenth Century*. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Brinton C. 1965 [1938]. *Anatomy of Revolution*. New York, NY: Harper & Row.

- Brunk G. G., Caldeira G. A., Lewis-Beck M. S.** 1987. Capitalism, Socialism, and Democracy: An Empirical Inquiry. *European Journal of Political Research* 15(4): 459–470.
- Bullock A., Stallybras O.** 1977. *The Fontana Dictionary of Modern Thought*. London: Fontana/Collins.
- Bunce V. J., Wolchik S. L.** 2011. *Defeating Authoritarian Leaders in Post-communist Countries*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Burkhart R. E., Lewis-Beck M. S.** 1994. Comparative Democracy: the Economic Development Thesis. *American Political Science Review* 88(04): 903–910.
- Chirot D. (Ed.)** 1991. *The Crisis of Leninism and the Decline of the Left: the Revolutions of 1989*. Seattle: University of Washington Press.
- Cutright P.** 1963. National Political Development: Social and Economic Correlates. In Polsby N. W., Dentler R. A., Smith P. A. (eds.), *Politics and Social Life: An Introduction to Political Behavior*. Boston: Houghton Mifflin.
- Dahl R. A.** 1971. *Polyarchy: Participation and Opposition*. New Haven: Yale University Press.
- Davies J. C.** 1962. Toward a Theory of Revolution. *American Sociological Review* 27(1): 5–19.
- DeFronzo J.** 1996. *Revolutions and Revolutionary Movements*. Boulder, CO: Westview.
- Dogan M., Higley J.** 1998. *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*. Boulder, CO: Rowman & Littlefield.
- Eckstein S.** 1982. The Impact of Revolution on Social Welfare in Latin America. *Theory and Society* 11: 43–94.
- Eckstein S.** 1986. The Impact of the Cuban Revolution: a Comparative Perspective. *Comparative Studies in Society and History* 28: 503–534.
- Edwards L. P.** 1927. *The Natural History of Revolution*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Edwards L. P.** 1965. *The Natural History of Revolution*. 2nd ed. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Eisenstadt S. N.** 1978a. *European Civilization in a Comparative Perspective. A Study in a Relation between Culture and Social Structure*. Oslo: Norwegian University Press.
- Eisenstadt S. N.** 1978b. *Revolution and the Transformation of Societies: A Comparative Study of Civilizations*. New York, NY: Free Press.

- Ellwood C. A. 1905.** A Psychological Theory of Revolutions. *American Journal of Sociology* 11: 49–59.
- Epstein D. L., Bates R., Goldstone J., Kristensen I., O'Halloran S. 2006.** Democratic Transitions. *American Journal of Political Science* 50(3): 551–569.
- Esty D., Goldstone J. A., Gurr T. R., Harff B., Levy M., Dabelko G. D., Surko P., Unger A. N. 1998.** *State Failure Task Force Report: Phase II Findings*. McLean, VA: Sci. Appl. Int. Corp.
- Fairchild H. P. 1966.** *Dictionary of Sociology and Related Sciences*. Totowa, NJ: Littlefield, Adams.
- Feierabend I. K., Feierabend R. L. 1972.** Systematic Conditions of Political Aggression: An Application of Frustration-Aggression Theory. *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research* / Ed. by I. K. Feierabend, R. L. Feierabend, T. R. Gurr. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. Pp. 136–183.
- Feierabend I. K., Feierabend R. L., Nesvold B. 1969.** Social Change and Political Violence: Cross-National Patterns. *Violence in America* / Ed. by H. D. Graham, T. R. Gurr. New York, NY: Signet. Pp. 606–688.
- Filali-Ansary A. 2012.** The Languages of the Arab Revolutions. *Journal of Democracy* 23(2): 5–18.
- Fisher H. H. 1955.** *The Communist Revolution. An Outline of Strategy and Tactics*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Foran J. 1993.** Theories of Revolution Revisited: Toward a Fourth Generation. *Sociological Theory* 11: 1–20.
- Geschwender J. A. 1968.** Explorations in the Theory of Social Movements and Revolution. *Social Forces* 47: 127–135.
- Giddens A. 1989.** *Sociology*. Cambridge: Polity Press.
- Goldstone J. 1980.** Theories of Revolutions: The Third Generation. *World Politics* 32: 425–453.
- Goldstone J. 1991.** *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.
- Goldstone J. 2001.** Toward a Fourth Generation of Revolutionary Theory. *Annual Review of Political Science* 4: 139–187.
- Goldstone J. 2011a.** Cross-class Coalitions and the Making of the Arab Revolts of 2011. *Swiss Political Science Review* 17(4): 457–462.
- Goldstone J. 2011b.** Understanding the Revolutions of 2011: Weakness and Resilience in Middle Eastern Autocracies. *Foreign Affairs* 90(3): 8–16.

- Goldstone J. 2014a.** Protests in Ukraine, Thailand and Venezuela: What unites them? *Russia Direct* February. URL: <http://www.russia-direct.org/content/protests-ukraine-thailand-and-venezuela-what-unites-them>.
- Goldstone J. 2014b.** *Revolutions. A Very Short Introduction*. Oxford: Oxford University Press.
- Goldstone J. et al. (Eds.) 1991.** *Revolutions of the Late Twentieth Century*. Boulder, CO: Westview Press.
- Goldstone J., Bates R., Epstein D., Gurr T., Lustik M., Marshall M., Ulfelder J., Woodward M. 2010.** A Global Model for Forecasting Political Instability. *American Journal of Political Science* 54(1): 190–208.
- Goldstone J., Gurr T., Harff B., Levy M., Marshall M., Bates R., Epstein D., Kahl C., Surko P., Ulfelder J., Unger Jr. A. 2003.** *State Failure Task Force Report: Phase III Findings*. McLean, VA: Science Applications International Corporation (SAIC).
- Grinin L. 2012.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Clodynamics: The Journal of Theoretical and Mathematical History* 3(1): 124–157.
- Grinin L. E. 2013.** State and Socio-Political Crises in the Process of Modernization. *Social Evolution & History* 12(2): 35–76.
- Grinin L. E., Korotayev A. V. 2014.** Revolution and Democracy in the Context of the Globalization. *The Dialectics of Modernity – Recognizing Globalization. Studies on the Theoretical Perspectives of Globalization* / Ed. by E. Kiss. Budapest: Arisztotelész Kiadó (Publisherhouse Arostotelész). Pp. 119–140.
- Grinin L., Korotayev A. 2016.** Revolution and Democracy: Socio-Political Systems in the Context of Modernisation. *Central European Journal of International and Security Studies*. Vol. 10. No. 3. Pp. 118–139. URL: <http://www.cejiss.org/issue-detail/revolution-and-democracy-socio-political-systems-in-the-context-of-modernisation>.
- Gurr T. R. 1968.** A Causal Model of Civil Strife: A Comparative Analysis Using New Indices. *American Political Science Review* 62: 1104–1124.
- Gurr T. R. 1970.** *Why Men Rebel*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Gurr T. R. 1988.** War, Revolution, and the Growth of the Coercive State. *Comparative Political Studies* 21: 45–65.
- Haggard S., Kaufman R. R. 1995.** *The Political Economy of Democratic Transitions*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

- Hagopian M. 1974.** *The Phenomenon of Revolution*. New York, NY: Dodd, Mead.
- Hart M. 1971.** *The Dynamics of Revolution*. Stockholm: Rotobekman.
- Hough J. 1997.** *Democratization and Revolution in the USSR 1985–1991*. Washington, DC: Brookings Inst.
- Huntington S. P. 1968.** *Political Order in Changing Societies*. New Haven, CT: Yale University Press.
- Jenkins J. C. 1982.** Why do Peasants Rebel? Structural and Historical Theories of Modern Peasant Rebellions. *American Journal of Sociology* 88(3): 487–514.
- Jessop B. 1972.** *Social Order, Reform, and Revolution*. New York, NY: Macmillan.
- Johnson Ch. 1968.** *Revolutionary Change*. London: University of London Press.
- Korotayev A. 2014.** Technological Growth and Sociopolitical Destabilization: A Trap at the Escape from the Trap? *Socio-Economic and Technological Innovations: Mechanisms and Institutions* / Ed. by K. Mandal, N. Asheulova, S. G. Kirdina. New Delhi: Narosa Publishing House. Pp. 113–134.
- Korotayev A., Issaev L., Zinkina J. 2015.** Center-Periphery Dissonance as a Possible Factor of the Revolutionary Wave of 2013–2014: A Cross-National Analysis. *Cross-Cultural Research* 49(5): 1–28.
- Korotayev A., Malkov S., Grinin L. 2014.** A Trap at the Escape from the Trap? Some Demographic Structural Factors of Political Instability in Modernizing Social Systems. *History & Mathematics: Trends and Cycles* / Ed. by L. E. Grinin, A. V. Korotayev. Volgograd: “Uchitel” Publishing House. Pp. 201–267.
- Korotayev A., Zinkina J., Kobzeva S., Bogevolnov J., Khaltourina D., Malkov A., Malkov S. 2011.** A Trap at the Escape from the Trap? Demographic-Structural Factors of Political Instability in Modern Africa and West Asia. *Cliodynamics* 2(2): 276–303.
- Kramnick I. 1972.** *Revolution: Definitions and Explanations, A Critique of Recent Scholarship*. New Haven.
- Lachmann R. 1997.** Agents of Revolution: Elite Conflicts and Mass Mobilization from the Medici to Yeltsin. *Theorizing Revolutions* / Ed. by J. Foran. London: Routledge. Pp. 73–101.
- LeBon G. 1913.** *The Psychology of Revolutions*. New York, NY: Ernest Benn.
- Lederer E. 1936.** On Revolutions. *Social Research* 3: 1–18.

- Lipset S. M.** 1959. Some Social Requisites of Democracy. *American Political Science Review* 53: 69–105.
- Londregan J. B., Poole K. T.** 1996. Does High Income Promote Democracy? *World Politics*. Vol. 49: 1–30.
- Lynch M.** 2012. *The Arab Uprising: The Unfinished Revolutions of the New Middle East*. New York, NY: Public Affairs.
- Mitchell L. A.** 2012. *The Color Revolutions*. Philadelphia, PN: University of Pennsylvania Press.
- Moore B.** 1966. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press.
- Morrison D. E.** 1971. Some Notes Towards a Theory on Relative Deprivation, Social Movements, and Social Change. *American Behavioral Scientist* 14: 675–690.
- Nepstad S. E.** 2011. Nonviolent Resistance in the Arab Spring: The Critical Role of Military-Opposition Alliances. *Swiss Political Science Review* 17(4): 485–491.
- Neumann S.** 1949. The International Civil War. *World Politics* 3: 333–334.
- Paige J. M.** 1975. *Agrarian Revolution: Social Movements and Export Agriculture in the Underdeveloped World*. New York, NY: Free Press.
- Parsa M.** 2000. *States, Ideologies, and Social Revolutions: A Comparative Analysis of Iran, Nicaragua, and the Philippines*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.
- Pettee G. S.** 1938. *The Process of Revolution*. New York, NY: Harper.
- Rueschemeyer D., Stephens E. H., Stephens J. D.** 1992. *Capitalist Development and Democracy*. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Schwartz D. C.** 1972. Political Alienation: The Psychology of Revolution's First Stage. *Anger, Violence, and Politics: Theories and Research* / Ed. by I. K. Feierabend, R. L. Feierabend, T. R. Gurr. Englewood Cliffs, NJ: Prentice-Hall. Pp. 58–66.
- Skocpol Th.** 1979. *States and Social Revolution*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Smelser N.** 1963. *Theory of Collective Behavior*. New York, NY: Free Press.
- Snyder R.** 1998. Paths out of Sultanistic Regimes: Combining Structural and Voluntarist Perspectives. *Sultanistic Regimes* / Ed. by H. E. Chehabi, J. J. Linz. Baltimore, MD: Johns Hopkins University Press. Pp. 49–81.
- Sorokin P.** 1925. *The Sociology of Revolution*. Philadelphia, PA: Lippincott.

- Stinchcombe A. L. 1965.** Stratification Among Organizations and the Sociology of Revolution. *Handbook of Organizations* / Ed. by J. March. Chicago, IL: Rand McNally. Pp. 169–180.
- Stone L. 1966.** Theories of Revolution. *World Politics* 18(2): 159–176.
- Taylor S. 1984.** *Social Science and Revolutions*. London: Macmillan.
- Tilly C. 1975.** Revolutions and Collective Violence. *Handbook of Political Science* / Ed. by F. Greenstein, N. Polsby. III. Reading, MA: Addison-Wesley. Pp. 483–555.
- Tilly C. 1978.** *From Mobilization to Revolution*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Tiryakian E. A. 1967.** A Model of Societal Change and Its Lead Indicators. *The Study of Total Societies* / Ed. by S. Z. Klausner. New York, NY: Anchor Books. Pp. 69–97.
- Trimberger K. E. 1978.** *Revolution from Above: Military Bureaucrats and Development in Japan, Turkey, Egypt, and Peru*. New Brunswick, NJ: Transaction Books.
- Weede E., Muller E. N. 1997.** Consequences of Revolutions. *Rational Society* 9: 327–350.
- Zagorin P. 1973.** Theories of Revolution in Contemporary Historiography. *Political Science Quarterly* 88: 23–52.
- Zimmermann E. 1990.** On the Outcomes of Revolutions: Some Preliminary Considerations. *Sociological Theory* 8: 33–47.